

Да, можно любить женщину, говорить ей, что она самая-самая, но при этом тайно встречаться с другой и убеждать ее в том же. И считать себя мачо, победителем, свободным героем.

Но не случайно поговорка: «Нет ничего тайного, что не стало бы явным». Рано или поздно ложь раскрывается, и любимая женщина в лучшем случае от тебя уходит — и правильно делает! — а в худшем кончает с тобой, потому что жизнь теряет для нее всякий смысл. Ведь если тебе лжет тот, кого ты искренне любишь, то это самое настоящее предательство, и можно прийти к мысли, что никому верить нельзя вообще. А тогда зачем жить? И дело тут не столько даже в том, что ты изменял. А в том, что лгал.

То же и наоборот. Ты любишь, ты верен и веришь ей, но вдруг оказывается, что она все это время изменяла тебе и лгала. И для тебя тоже жизнь теряет смысл, потому что обещания — это самое главное, что есть в жизни человека.

То же с друзьями и родственниками. Если они лгут, значит предают. Ложь — это предательство.

Человек лжет либо для того, чтобы приобрести что-то ценное для себя, либо из страха разоблачения в чем-то нехорошем. И чем дольше длится ложь, тем труднее избавиться от нее. Но тайное неминуемо становится явным, и происходит катастрофа. И для того, кому ты лгал, и для тебя. И оба оказываются в пропасти. И все обесценивается, и жизнь теряет смысл для обоих.

Да, ты можешь какое-то время даже блаженствовать над пропастью во лжи. Но катастрофа и свержение в пропасть неминуемы. Не говоря уже о том, что временная радость твоя все равно отравлена страхом разоблачения.

Спасти может только правда, даже если она весьма неприятна. Но — правда. И вовремя. Тогда можно успеть спа-

Юрий АРАКЧЕЕВ

правду, у тебя есть возможность выйти из кажущегося тупика.

Измена любимой или любимого ужасны. Однако если она или он честно и вовремя в ней признаются, то выход можно найти. И выход вполне достойный. И от пропасти отойти. Жизнь на самом деле может быть гораздо лучше, чем мы думаем — природа полна возможностей. Закрывает их от нас и мутит нам головы — ложь.

«Бог не в силе, а в правде» — сказал, если не ошибаюсь, Александр Невский. И — побеждал. А к его словам я бы добавил: «Какой бы она ни была». То есть: «Бог не в силе, а в правде, какой бы она ни была».

Ложь — это главное оружие дьявола. И то же самое не только в личной жизни нашей. То же самое — в отношениях правительства и народа.

Если правители обещают народу одно, а делают другое, то есть заботятся не о тех, кто выбрал их, а о себе — это предательская, наглая ложь. Тем более предательская и опасная, если правители, несмотря ни на что, продолжают врать, придумывая для себя всевозможные оправдания, оставаясь у власти и все больше и больше обманывая народ. Падение в пропасть в таком случае неминуемо, и тем более ужасно оно, чем дольше правители врут.

Поэтому и придумали люди такие законы, чтобы правительство и президент

Над пропастью во лжи

Полемические заметки

периодически честно отчитывались народу и чтобы срок пребывания правительства и президента у власти был ограничен. В противном случае правительство и президент привыкают к власти, лгут и создают такие «правоохранительные» структуры и такие подвластные СМИ, чтобы никто не мог их разоблачить во лжи. И если ограничения нет, то это — свобода для лжи, и рано ли поздно падение в пропасть и для правительства, и для общества неминуемо.

Основной Закон в современном цивилизованном обществе — Конституция. В ней ни в коем случае не должно быть лжи. Гарантом исполнения конституционных законов считается Президент. Ложь

президента — тяжелейшее преступление перед народом.

Наша Конституция была принята в 1993-м году — том самом, когда по приказу президента Ельцина было бандитски расстреляно из танковых пушек здание Верховного Совета, и с демократическими обещаниями «реформаторов» было покончено. Сохранение Ельциным своего поста было очевидной ложью и преступлением, тем более, что ведь и сам расстрел был вызван тем, что Ельцину грозил импичмент.

Страна и правительство во главе с президентом начали стремительно падать в пропасть. Казалось бы, падение должно было быть остановлено, когда

Почему сегодня люди мало читают? Почему в постсоветское время Россия стремительно потеряла звание самой читающей страны в мире? Даже в вагонах московского метрополитена, ещё недавно напминавших читальные залы, теперь редкий пассажир корочеет дорогу с книгой, журналом или газетой. Молодёжь читает и вовсе из-под палки. Духовную потребность в чтении заменила деловая необходимость получения информации. Это в лучшем случае. Потому что информацию на все случаи жизни можно легко отыскать и в интернете. Народ в массе своей утратил привычку к чтению, а поскольку навяз этот не врождённый, а благоприобретённый, то восстановить его будет очень трудно. Почему случилась такая беда? Почему зарастают паутиной почтовые ящики, о существовании которых владельцы вспоминают, вытравивая предвзоборную макулатуру? Почему остаются девственно чисты формуляры многих и многих книг в общественных библиотеках?

Юрий ЩЕРБАКОВ «Не позволяй душе лениться!»

Не так давно на все эти «почему» афористично ответил бывший министр культуры РФ. М.Е. Швыдкий: «Раньше было интереснее читать, чем жить. А сейчас интереснее жить, чем читать!».

Чит и говорить, Михаил Ефимович — признанный мастер по сочинению хлестких формулировок. Кого оставят равнодушными такие, к примеру, перлы его культурно-телевизионно-шоуменской мудрости: «Русский фашизм страшнее немецкого!», «Грамотность — пережиток прошлого!», «Русский язык не может быть матом!».

А вот более пространная цитата. Её автор — замечательный русский писатель Валентин Распутин. На съезде Союза писателей России он сказал: «Почему мы вдруг перестали читать, если не брать во внимание «наркотическую» литературу? Да потому, что прежде чтение было не только личным, но и общественной потребностью, коллективным дружным отзывом на духовно-художественную ткань жизни. Искали, конечно, в книгах и правду, скрывавшуюся от нас пропаганда, но главным и чуть ли не единственным стимулом для чтения это, конечно, никогда не было. После перестройки хоть и открылась нам правда со всеми её потрохами, но именно она-то — со всеми её потрохами — убила в самой читающей стране неистребимую, как думалось, страсть к книге. Вернуть её будет нелегко. Более того — это будет чудо, если даже в пятой доле в сравнении с тем, что было, удастся разбудить в народе читателя — не как «плотателю пустот» (*M.Leevae*), а как садовника, возвращающего в своей душе приятные из книги зёрна добра и красоты».

Классик современной русской литературы абсолютно прав. Хотя только добавить, что интерес к чтению резко понизился на рубеже 1993-1994 годов. Знаю об этом не понаслышке, потому что в первые капиталистические лета занимался вместе с друзьями-литераторами книжным бизнесом. Хотя какой там бизнес! Просто спасались, как многие тогда, от рухнувшей лавины беднежества «челночеством». Только возили на своём горбу из московского спорткомплекса «Олимпийский» не одежду и

Из цикла «Очерки смутного времени»

родство, милосердие, к которым призывали во все времена прекраснотушные писатели! Искать правду, а не выгоду? Хватит! Долой Достоевского! А заодно с ним — и всех остальных, вплоть до современников.

Сегодня, увы, правят бал «твёрдой души прохвосты», как говорил Салтыков-Щедрин. Для них чтение — безделица, пустая трата времени. Самое скверное, что среди этой публики — чиновники, от которых в немалой степени зависит возрождение читающей России. Уверен, что кто-то сейчас досадливо поведёт плечами: подумай, страсти какие! Нашёл о чём печалиться! О материальном, зримом, плотском надо думать, а не о каких-то там эфемерных, неуловимых категориях. Только какой же это поверхностный взгляд!

Несколько лет назад поразило меня жуткое сообщение из старинного городка Колычугино. Там четверо недорослей, бросавших окурки в Вечный Огонь, убили и захарили в священном пламени прохожего, сделавшего им замечание. Отморозки, дебилы, нелюди? Да, конечно. Но со стопроцентной гарантией могу утверждать, что не читали они «Судьбу человека», «Молодую гвардию», «Повесть о настоящем человеке», «Батальоны просят огня» и другие книги, способные даже в тёмной душе зародить уважение к подвигу предков. И тогда, может быть, не случилось бы того, что и в страшном сне не дай Бог увидеть. Впрочем, неизвестно: умеют ли вообще юные святотатцы читать и писать...

А что? Неграмотной молодёжи с каждым годом прибавляется. Неграмотность опасна не сама по себе — она вызывает те опасные мутации человеческого духа, когда злоба, ненависть и зависть напрочь вытесняют добро и сострадание. Как тут не вспомнить слова Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости!».

Кстати, друг Александр Сергеевич Вяземский называл историю «разумным зеркалом» и советовал чаще в него глядеться. Разве эти пророческие слова не находят сегодня самого того ни на есть материального подтверждения? Речь, конечно, не только о колычугинских Иванах, не помнящих родства.

Увы, интерес к истории и у читающей публики как ножом отрезало после 1993-го года. Если в последние советские десятилетия миллионные тиражи исторических романов Валентина

Пикуля и Дмитрия Балашова расходились за считанные дни, то сегодня последний роман Балашова «Воля и Власть» из цикла «Государи московские» вышел в десяти тысячах экземплярах и лежит на прилавках магазинов. Кого-то, конечно, отпугивает цена. Но где же те миллионы читателей, что в очередях стояли не только за великими произведениями Балашова, но и практически за любым сочинением, в подзаголовке которого значилось: «исторический роман»? Выходит, приняли они новый уклад жизни, в котором изыщная словесность — удел немногочисленных эстетов. Приняли, смирились и перестали читать! А поскольку чтение — это труд, то и навыки к нему, как к любой заброшенной работе, стали стремительно утрачиваться. Что уж говорить о детях, перед глазами которых в большинстве семей нет теперь примера для подражания в каждодневном чтении.

Время от времени я провожу творческие встречи в школах и с горячо убеждаюсь, что

Гармония или диссонанс? Виктория

Проблемы музыкального образования России

Сегодня система российского музыкального образования находится в кризисе. Для России, имеющей многовековые музыкальные традиции это большой удар. Причин сложившейся ситуации множество, однако одна из глобальных проблем в сфере музыкального образования — научно-технический прогресс. «По вине», а для многих благодаря быстрому совершенствованию звукозаписи спрос на «живых» музыкантов становится все меньше и меньше, а среди подрастающего поколения все меньше и меньше желающих освоить скрипку или фортепиано.

Когда проблему заметили и начали о ней говорить, классическое музыкальное образование было решено модернизировать. Осенью 2019 года детские музыкальные учреждения получили приказ руководителя департамента культуры Москвы о проведении аттестации педагогических работников. Новый регламент включает в себя мотивационное письмо, портфолио, компьютерное тестирование по специальным и смежным темам. Он заменил открытый урок — в такой форме раньше проводилась аттестация. Якобы эта обязательная проверка должна оставить только высококвалифицированных преподавателей. Интересно, с каких пор компьютерное тестирование по смежным темам стало важнее музыкальной техники преподавателя?

На эту тему высказалась Екатерина Мечетина, солистка Московской филармонии и заслуженная артистка России: «Я провела собственный эксперимент: людям своего близкого круга задавала один и тот же вопрос из числа предложенных для тестирования преподавателей — никто не ответил. Поверьте, все они — уважаемые деятели культуры и искусства, профессионалы высочайшего уровня. Результат говорит только об одном — аттестуют не то, за что ценят музыкантов и преподавателей!» (изд. «Культура» от 17.01.19, ст. «Эта музыка будет вечной?»).

И ведь действительно, люди, которые работают в детских музыкальных школах, люди, которые любят музыку и детей, — разве они будут работать за такие низкие зарплаты без личной мотивации и любви к своим воспитанникам? Ответ очевиден. Становится действительно грустно от того, что столько поколений наших великих предшественников строили систему, а сейчас мы готовы ее разрушить из жажды новшества.

В этой же статье также была представлена точка зрения Екатерины Калачиковой, руководителя Дирекции образовательных программ в сфере культуры и искусства департамента культуры Москвы. В её словах отчетливо видна попытка разрушить основу системы музыкального образования. Считая нововведения обязательными, а подмену истинного классического образования — мерой вынужденной и необходимой, Калачикова уверяет: «Хотим того или нет, но мы живем в эпоху стремительного технологического развития, насыщенной цифровой и медиакультуры и радикально изменившихся форматов коммуникации: вне зависимости от наших желаний эта среда будет оказывать влияние как на нас самих, так и на творческое образование». А вот еще: «Мы, к огромному сожалению, видим, что конкурс на предпрофессиональные программы в школах искусств практически отсутствует, а более 53 процентов поступивших не доучиваются и до 4-го класса».

Но ведь дело даже не в том, насколько человека увлечет музыка в дальнейшем, продолжит ли он свое образование в консерватории, перейдет ли к изучению нотной грамоты, сольфеджио и так далее. Неважно, станет человек великим композитором или нет — основополагающие эстетические принципы, изначально заложенные в музыке, принесут свои плоды.

В наше время все меньше родителей отдают своих детей в музыкальные школы, ссылаясь на то, что это очень сложно и отнимает много времени. «Зачем моей дочери ваша музыка?» — то и дело слышишь из уст особо практичных мамочек. — Если отдать ее на хореографию, так хоть осянка будет хорошей». Конечно, спорт воспитывает в человеке силу воли, способствует физическому здоровью и так далее. Однако речь идет о сохранении традиций, воспитании в детях эстетического вкуса. Ребенок, который посвящает своё свободное время игре на фортепиано или скрипке, не будет поддаваться мерзким соблазнам улицы или интернета. Глядя на клавиатуру рояля или гриф струнных инструментов, двигая смычок по струнам — совершая все эти действия многократно и постоянно, не только ребенок, но и вообще любой музыкант (независимо от уровня мастерства) развивает свое пространственное мышление. На протяжении нескольких лет обучения учащиеся музыкальных школ знакомятся с великими композиторами, характер которых связан с определенными музыкальными стилями: с величественным и элегантным Бахом, солнечным и подвижным Моцартом, сентиментально-чувственным Чайковским...

Только вот в наши дни эти имена постепенно начинают забываться. Классической музыкой большинство подростков не интересуется, зато с удовольствием слушает Ольгу Бузову и деградирует под «песни» Элджея. Если вы попытаетесь разобрать тексты этого «музыканта» детально или хотя бы просто понять, о чем он поёт, — спешу вас огорчить. Вот пара строчек из его песни под названием Vrum Vrum:

*Я такой же, как ты,
Только никто не знает, кто ты
А так, мы все тут биомусор, идиоты.*

Сложно было найти строки, где не было бы нецензурной лексики, ведь она встречается буквально через каждые два слова. Вот они, кумиры современной молодёжи. Вот она, музыка, которая взрывает все топ-чарты.

Парадокс, но несмотря ни на что, сегодня за билетами в оперные театры, концертные залы и филармонии выстраиваются очереди, а набор учащихся и студентов в элитные учебные музыкальные учреждения осуществляется на конкурсной основе. Время показывает, что не вымирают в России виртуозы, и еще появляются талантливые музыканты-исполнители, а также проекты, благодаря которым одарённые дети могут заявить о себе на весь мир. И очень даже неплохие!

Вот, например, Конкурс "Щелкунчик" — один из важнейших проектов телеканала "Россия. Культура". Куча стию допускаются юные музыканты в возрасте до 14 лет. Когда вы послушаете, как играет 13-летний Иван Качкин пьесы Брамса, или как потрясаящее 10-летняя Александра Догван исполняет концерт Мендельсона, именно тогда возможно и придет осознание того, что такое — настоящая музыка.

Классическая музыка даст вам почувствовать нечто большее, чем просто набор аккордов. В ней боль и страдания, в ней надежда и радость. Нужно ценить музыку великих композиторов и ценить тех самых преподавателей, которые ею горят и ею живут. Ведь это наша культура и наше наследие.

Краснодар

(Начало — стр. 5)

Всё в тему

Как приятно всё-таки быть профессиональным читателем, а тем более помнить чеховскую фразу про висящее на сцене ружьё! Написал эту повесть, конечно же, Крамор. Известный следователь Юнакову с давних лет, когда оба пытались заниматься наукой — каждый, разумеется, в своей области.

Следователь хотел писать про уголовную политику государства в системе рыночных отношений. А Крамор, тогда ещё физик, — про энергетические ресурсы личности и общества. От чего, разумеется, попахивало не промышленной энергетикой, а эзотерикой.

У обоих заявленные темы исследования сошли неидеально. Но Юнаков остался в органах, а Крамор ушёл в сочинители. И написал несколько книг, которые принесли вместо известности лишь копейные гонорары. Так что их

Прощание с Нобелем

О книге Сергея Трахимёнка «Нобелиат», или Опасные игры»

автор время от времени питался только одними сухарями, а то и прибавлял сторожем в детском саду.

Судить о писательских способностях Крамора по кусочкам повести о трюггах трудновато. Отсылка к весьма давнему — более века — роману Рони-старшего «Борьба за огонь» отнюдь не случайная. Да и размытое описание другой книги, где Крамор предупреждает, что грядущее не сулит человечеству особой радости, тоже не выглядит особенно оригинальным.

С другой стороны, апокалиптические настроения, судя по всему, вполне укладываются в список тем, желаемых

Нобелевском комитетом. Именно эта книга стараниями Замятина переводится и представляется в Германии. Правда, в отсутствие автора, который не успел оформить новый паспорт. Тоже лишь в преамбульную строку: на презентации сказали, что выехать в Германию не разрешили власти.

Кстати, тема женщин в той книге, разумеется, тоже проскакивала. Которая продолжается в обещании Крамора и Юнакова...

Не в деньгах счастье

Кстати, фамилия героя, как заявляет ему Кракевич, — тоже один из пунктов

нобелевского плана действий. Сам-то писатель русак, а иноязычное сочетание досталось от его отца. Однако было бы иначе — пришлось бы помянуть...

Впрочем, что и как там дальше переплетается, переводить в короткую выжимку до дна бессмысленно. Да и невозможно — столько ещё ответвлений вырастил автор, столько узлов завязал. Но и распутил тоже. Так что финалу остаётся соединить две главные, сквозные линии — нобелевскую и трюгговскую.

Стремлением к лауреатству Крамор так и не прониоса. Однако книги уже написаны. А необходимые публичные акции, в том числе в поддержку оппозиционеров и сексуальных меньшинств, производит его двойник. И поднятая волна действительно достигает Олимпа: Крамор, обойдя по дороге в том числе известного у нас Мураками, объявлен лауреатом. Так что теперь просто обязан съездить в Стокгольм и выдержать все положенные процедуры,

включая тягостные репетиции перед монаршим приёмом.

А потом, как это принято — во всяком случае, по завершении политических кампаний, начинается банальная кидлово. Нобелевский-то фонд расплачивается, конечно. Однако оказывается, что все риски Крамор должен солидарно делить с Замятиным. Тот же, рассчитывая на будущую прибыль от продажи лауреатских книг, влез в долги. А продажи оказались не столь велики.

В общем, с наваром из проекта уходит только Кракевич. Да и то ненадолго, поскольку, продолжаясь, эта линия тоже превращается в детективную — с летальным для него исходом. А заключительная встреча Крамора и Юнакова сводит воедино последние жилки и ниточки...

«...Мне казалось, что где-то далеко есть группа тех, кто выполняет волю Нобеля и честно отслеживает литера-

турные феномены, которые нет-нет да появляются в мире, и награждает их авторов.... — грустно заключает нобелиат. — Уже одно то, что для этого нужно представление неких организаций или лиц в условиях монетаризма, сводит все на нет. А дальше вообще начинается такая чехарда, дельчество и делание денег на премии, что авторы настоящих литературных шедевров не в состоянии... быть увиденными...».

Рассаваться с легендами — тем более такими красивыми, как миф о Нобелеве, вручаемом исключительно по гамбургскому счёту — всегда грустно. Но познаться с умным, убедительным и весёлым рассказчиком, который искусно выводит из нашей почвы сюжетные ростки, а потом переплетает их и снова срывает — настоящее удовольствие. Вполне достойная компенсация за утрату иллюзий. Если, конечно, они ещё оставались у читателя.

Андрей РАСТОРГУЕВ